

всей силы ударилъ его по шубѣ, но не больно. Математикъ хотѣлъ было отплатить, но въ эту минуту раздалось нѣсколько неодобрительныхъ голосовъ. «Вишь съ маленькимъ связался!—закричали зрители.—Удирай, Кыска!» Дѣло тѣмъ и кончилось,—какъ будто его и не было, исключая, я предполагаю, смутнаго сознанія того и другого, что драться непріятно, потому что обоимъ больно. Здѣсь мнѣ удалось какъ будто подмѣтить чувство справедливости, руководившее толпой. Но сколько разъ рѣшаются такія дѣла такъ, что не поймешь, на основаніи какого закона, но рѣшаются, удовлетворяя обѣ стороны. Какъ произвольны и несправедливы въ сравненіи съ этимъ всѣ воспитательные приемы въ такихъ случаяхъ! «Вы оба виноваты, станьте на колѣни!» говоритъ воспитатель, и воспитатель не правъ, потому что виноватъ одинъ, и этотъ одинъ торжествуетъ, стоя на колѣнкахъ и переживая свою не всю вылившуюся злобу, и вдвойнѣ наказанъ невинный. Или: «ты виноватъ въ томъ, что ты то-то и то-то сдѣлалъ, и будешь наказанъ», скажетъ воспитатель, и наказанный еще больше ненавидитъ своего врага за то, что на его сторонѣ деспотическая власть, законность, которой онъ не признаетъ. Или: «прости его, такъ Богъ велитъ, и будь лучше его», скажетъ воспитатель. Вы ему говорите: будь лучше его, а онъ хочетъ быть только сильнѣй и другого лучше не понимаетъ и не можетъ понимать. Или: «вы оба виноваты: попросите другъ у друга прощенія и поцѣлуйтесь, дѣтки». Это ужъ хуже всего, и по неправдѣ, выдуманности этого поцѣлуя, и потому, что утихавшее дурное чувство тутъ вновь загорается. А оставьте ихъ однихъ (ежели вы не отецъ, не мать, которымъ просто жалко свое дѣтище, и которые потому всегда правы, оттаскавъ за вихры того, кто прибилъ ихъ сына), оставьте ихъ и посмотрите, какъ это все разъясняется и укладывается такъ же просто и естественно и вмѣстѣ такъ же сложно и разнообразно, какъ всѣ безсознательныя жизненныя отношенія.

Толстой удѣляетъ этому описанію драки между Кыской и математикомъ столько же мѣста, сколько Гомеръ какому-